

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Яны Алексеевой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

УЧЕНЫЕ — СВЕТ...
ТАНЦУЮТ ВСЕ!
ПРИНЦЕССЫ ОГНЕННОГО МИРА
СЕСТРА РОКА
НЕКРОМАНТЫ, АЛХИМИКИ И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ
ОХОТЯЩИЕСЯ В НОЧИ

Яна АЛЕКСЕЕВА

ОХОТЯЩИЕСЯ В НОЧИ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А47

Серия основана в 2004 году
Выпуск 387

Художник
В. Бабкина

Алексеева Я.

А47 Охотящиеся в ночи: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 316 с.: ил. —
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1026-2

Господа, рассказать вам сказку? Не добрую и светлую, а настоящую. Про тех, кто скрывается в тени, крадется в ночи, танцует при свете луны? Про берегущих секреты и знания, про стерегущих иные законы? Про Роды и Клань, про тех, кто нарушает традиции. И про тех, кто следит за порядком в сокрытом от обычных людей мире.

Начнем, пожалуй.

Однажды поздним вечером по городу кралась волчица...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1026-2 © Яна Алексеева, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Глава 1

РИТУАЛ ПОВОРОТА

Неприятности имеют нехорошее свойство ходить сначала парами, потом тройцами, а затем и вовсе толпами — это непреложный закон бытия. Но лично мне до сегодняшнего дня не случалось ощутить в полной мере данную закономерность. И вот! Попала в газеты (отличное фото), поругалась с соседкой (так и надо этой наглой жирной кошке), уволилась с работы (невелика потеря, официантка вечерней смены) и в довершение ко всему оказалась свидетельницей такого события!..

Я замерла за углом, прижавшись боком к старому забору, за которым начинался пустырь, заросший буйными, в человеческий рост, сорняками. Там, в выжженном круге, убивали — жестоко, грязно и со смыслом, ускользящим от моего разума, тонким слоем размазанного по охотничьим инстинктам волчицы. Высокий туманный силуэт то склонялся над распятым на земле телом, то резко выпрямлялся, вздымая руки вверх. Убийца что-то говорил, все понижая и понижая голос, но его слова ничего не значили для меня. Странные жесты казались бессмысленными, но завораживали, как и нож, мертвенно поблескивающий в опалесцирующем свете почти полной луны.

В еще недавно свежем ночном воздухе гуляли запахи страха и крови, смерти и разложения. Слабый ветерок нес их прямо на меня, заставляя морщить нос... Неправильность и мерзкая неестественность всего происходящего мурашками ползала по коже, отчего шерсть вздымалась на загривке, а клыки непроизвольно обнажались в ярост-

ном оскале. Бесшумной прозрачной тенью я скользнула вдоль забора.

Фигура на пустыре, издав гортанный крик, склонилась над беспомощной жертвой. Откуда-то с неба донесся ответный гул. Рука, сжимающая короткий изогнутый нож, двинулась вверх, затем вниз, и клинок по рукоять вошел в грудь несчастного. Распятый на земле дернулся и захрипел, слабое желтоватое сияние окутало тело. Убийца выдернул нож, и свет начал медленно втягиваться в лезвие и дальше, через витую рукоять, в запястье. Воткнув орудие убийства в изголовье жертвы, черный человек коротко рассмеялся и растворился в тени, отброшенной набежавшей на луну тучей.

Когда миазмы смертоносного присутствия рассеялись, я подошла ближе. Мною двигали страх и любопытство, уже пробиралось в кровь предчувствие неприятностей, грозящих нашему городу. Обойдя место ритуала, не касаясь пентаграммы, я принялась. Смерть, прах — и ни малейшего следа черного человека... да и человека ли? Вокруг расплзлся слабый фиалковый аромат и еле уловимый запах горькой полыни. Вдоволь наглядевшись на распятую на земле жертву, смуглую изящную узкоглазую девушку с застывшей на лице гримасой ужаса, я продолжила свой путь.

Полнолуние — время древних забытых сил, которые крепко спят и для пробуждения которых нужно совершить определенные действия в определенном месте. И еще нужна кровь, несколько капель крови.

— ...источник в районном управлении внутренних дел сообщил, что жертва опознана. Ею оказалась двадцатисемилетняя Алена Сергеевна Семенова, продавщица из магазина «Спорттовары». Она не вернулась домой после вечерней смены... Город в ужасе, это уже пятая жертва за неполные две недели! — распиналась телеведущая. — Милиция просит всех, кто может что-либо сообщить об этих убийствах, звонить по теле... — Тут я выключила черно-белого монстра, с упорством одержимого вещающего на единственном местном канале.

Теперь подробности происходящего я знала лучше кого бы то ни было, исключая самого убийцу. Пять убийств, жертвы — три женщины и двое мужчин, разного возраста и социального положения, ничем, кроме похожей смерти, друг с другом не связаны. Все найдены в пустынных заброшенных местах нашего города лежащими в центре пентаграммы из красного воска и полностью обескровленными. Орудие убийства неизменно воткнуто в изголовье жертвы. Жестоко и бессмысленно. Методично и целеустремленно...

В сумерках я выскользнула из дома, и город ласково принял меня в туманные объятия. Искать, следить и охотиться. Я действительно безумна, потому что собираюсь сделать это — поохотиться.

Если задуматься, мои неприятности начались гораздо раньше. А именно — в ту ночь и в тот час, когда одна нелюдямая приютская девчонка ощутила непреодолимое желание завывать на луну. Тогда она впервые познала свободу, которая ничем не ограничена. Уйти и не вернуться — что может быть приятнее? Но дисциплина и порядок — догмы, ненавистные для приютских заморышей, оказались сильнее. Они были крепко вбиты в головы детей суровой директрисой, маленькой сморщенной старушкой с громоподобным голосом. Моя благодарность этой стойкой женщине.

В ту ночь, как и во все последующие, я вернулась, подгоняемая пониманием, что самое разумное — придерживаться обыденного порядка вещей. И только поэтому я не осталась в тумане города навсегда, как происходило со многими еще до моего рождения. Вторую, полуночную сущность приходилось постоянно скрывать, от этого характер становился все более угрюмым и мрачным, появилась безжалостная непримиримость к недостаткам окружающих. Люди раздражали.

Когда пришлось покинуть приют, я неожиданно ощутила сильнейшее чувство принадлежности. Нет, не моей к чему-то, а скорее города — мне. Ощувив себя хозяйкой этого захолустного, забытого не только богами, но и демонами места, я приняла правила, по которым живут люди. И самое первое правило — не выделяться. Маскарад... У меня

есть дом, где приходится коротать дни и ночи, официальная работа (впрочем, уже нет — уволилась) и полуночная охота, придающая существованию толику смысла.

Кто-то назвал бы меня оборотнем, но я предпочитаю именоваться Охотящейся в ночи. Прежде я никогда не встречала в городе подобных себе, а смутные догадки о возможном существовании на этой земле не только людей были подтверждены весьма неожиданным способом...

И вот я бесшумно скольжу среди домов, объятых ночью, и ведет меня, похоже, не охотничий инстинкт, а скользкий неуловимый ужас, сочащийся из темных подворотен. Город боится, и я запутываюсь в тенетах этого страха. Чем-то очень нехорошим может окончиться сегодняшняя охота. Старые дома, похожие на зубы дракона, неровной линией выстроились вдоль улиц. Вокруг витают запахи жизни и смерти, предательства и ненависти, счастья и горя.

Что я буду делать, если встречу *его*?.. Но в эту ночь мне не был дарован сомнительный успех. До апогея июньского полнолуния оставалось еще два дня.

Чем еще это объяснить, кроме как невероятным везением? Он просто не верил своим глазам. После почти недельного бесцельного поиска в Тени и бессильного наблюдения за небесными сферами наткнуться на характерную концентрацию страха...

Маленький полузаброшенный человеческий городишко излучал в пространство такой ужас, перед которым меркли гигантские эмоциональные факелы мегаполисов. До завершения ритуала оставалось две ночи. Нужна была последняя жертва.

Удача явилась в лице неприметной сероглазой Охотящейся, единственной темной на весь город, мрачно и обреченно кружащей по ночным улицам.

Ощувив давно и, казалось бы, прочно забытое чувство — волнение, он затаил дыхание, растворяясь в видении, лишь краем сознания контролируя погружение в иную реальность...

Серые глаза, такие же серые волосы, гибкое тело, жилка,

бьющаяся на хрупкой шее в нечеловечески быстром ритме. Незаметная, незапоминающаяся, с тонкими запястьями и диким, жарким огнем, пляшущим в зрачках.

Незавершенная, раздвоенная, колеблющаяся между мирами одинокая полукровка.

Тучи вновь накрыли все сплошным пологом. Дождь, не переставая, моросил с самого утра. Город пробуждался и властно вовлекал меня в водоворот человеческой жизни.

Ненавижу общественный транспорт. Омерзительный букет запахов под названием «С добрым утром» вызывает тошноту. Перегар разной степени резкости перемешался с ароматом зубной пасты и дезодорантов, которые, по мнению людей, должны освежать все и вся. И работу ненавижу! Впрочем, я же уволилась и просто еду забрать вещи. Успокаивающе повторяю про себя, что соблюдение правил маскарада является основой безопасного существования. Моя утренняя мантра. В воздухе стояла удушающая жара, а моросящий дождь давал почти стопроцентную влажность. Возникло стойкое ощущение, что город целиком попал в какую-то баню.

Мое бывшее место работы, кафе «Афины», располагалось на окраине города и было оформлено с претензией на древнегреческий стиль. Оно пользовалось дурной славой еще до моего рождения, а во времена перестройки его стены повидали множество неприятностей. Пара заказных убийств, десяток мелких бандитских разборок, череда сменяющих друг друга, не всегда добровольно, владельцев. И теперь «Афины» имеют репутацию наиболее злочного и опасного места в городе, которое привлекает все самое гадкое, наглое и жестокое отребье и категорически не приемлет «приличных» людей. Регулярными посещениями данное заведение балует и милиция с ОМОНОм на пару, и серьезные дядечки с толпой секьюрити, шерстящие местный контингент каждый по своим вопросам.

Однажды двое амбалов устрашающего размера устроили соревнование по порче посуды — кто больше разобьет. И что-то такое пакостное они сказали, пока я ползала по полу, собирая осколки. Желудок сводило от голода, к тому

же я была после дежурства. Незаметно выскользнув вслед за этими двумя, я скинула в ближайшей подворотне одежду, устроила охоту и долго гоняла парней по окраинам, не давая приблизиться к машине. Стужались сумерки. Проникновенный волчий вой гулко разносился по пустым цехам заброшенного сталепрокатного завода, будя потаенные страхи. И желтым огнем пылали глаза... В общем, не будите спящую волчицу. Я ведь и сама тогда испугалась, что меня поглотит неконтролируемая ярость. Один из амбалов надолго поселился в тюремной психушке, второй раз в полгода слал ему посылки откуда-то с Камчатки. Но какие сказки они рассказывали следователю, явившись с повинной!

Много позже, услышав об этом случае, учитель назвал меня самым человеколюбивым и интеллигентным оборотнем из всех живущих. Вот за это я его чуть не убила. Некий налет человечности во мне, разумеется, есть, но не очень плотный.

Оказавшись в «Афинах», я вдруг почувствовала, как на меня наваливается невероятная усталость. Еле волоча ноги, я сдала форму, получила от администратора конверт с отступными и пожелание пропасть пропадом. Ему я пожелала того же.

А теперь обратно домой, ждать вечера и охоты. Я неторопливо брела по городу. Мелкий морозящий дождь прогнал сонную одурь, овладевшую мной. Внемлете ли вы очарованию темного пустого города? Когда лишь редкий прохожий, спеша сквозь туманную пелену, нарушает звонкую тишину. Когда кажется, что ты один в этой вселенной, состоящей из бесконечной череды улиц. Когда ты — хранитель и повелитель этого мира, и он безропотно подчиняется, позволяя изменять, перекраивать гибкую и вязкую, словно пластилин, ткань реальности так, как хочется. Когда ночь наполняет тени новыми чистыми запахами, не оскверненными человечиною, а фонари, как острова в бескрайнем море тьмы, очерчивают светлые круги на асфальте и листва редких деревьев кажется отлитой из бронзы. Бесшумно скользя от одного островка света к другому, я

забываю обо всем на свете, кроме этой улицы и этих домов...

Обычно я люблю ночь. Но не сегодня. Меня подтачивали смутные опасения. Очарование ночи было нарушено. Чужак, незнакомец возник на границе между мною и вечностью. Застыв в круге света, я прислушалась и вгляделась. Позади мелькнула плотная, почти осязаемая тень. Он шел за мной! Сердце заколотилось в груди, руки мелко задрожали. Волчица оскалилась, пытаясь вырваться на свободу. Страх придет потом. Сейчас, сейчас я получу ответы на все вопросы, тревожащие мое бытие. Вопросы, ни разу не заданные вслух.

Стремительный рывок вперед — и дома, взирающие на улицу равнодушными провалами окон, сливаются в единую туманную стену.

«Домой, домой!» — истерично надрывалась одна часть сознания, тогда как другая готовилась торжествующе взвыть, желая поохотиться. Впереди воздвиглась туманная пелена. Влажная, манящая — она протягивала свои щупальца и звала, тянула меня к себе. Что можно противопоставить этому притягательному, отдающему плесенью забвения зову? Только жажду жизни: пульсацию крови в жилах и волны адреналина, выключающие сознание.

Стремительное движение, все более ускоряющееся, приближало ко мне жадные объятия тьмы. Неимоверным усилием воли я смогла лишь слегка изменить направление движения. Непослушные ватные ноги пронесли меня было мимо тьмы, когда пелена резко развернулась и я, обернувшись, сбилась с ритма. Асфальт больше не подталкивал мое тело в мгновенно загустевший воздух, не добавлял искрометной легкости в движения... Пелена сковывала, сжимала, убивала! Тьма все звала, и воля к жизни почти оставила меня.

Волчица взвыла, стряхивая оковы наваждения, отскочила назад и, оскалившись, метнулась дальше по улице серой бесшумной тенью. Настал час охоты. Но теперь я была жертвой, и результат, обещаемый в случае успешной поимки зверя, мне категорически не нравился.

Опять шагнул из тьмы навстречу мне противник, как

будто дверь открыл. Я ринулась навстречу. Отскочила. Сверкнула молния впотьмах, и боль каленой искрой бок ожгла. Сквала судорога лапы, не могу бежать! Упала на асфальт, рыча от злости, неуклюже встала... Так просто не возьмешь меня! Плесень, мерзость и горькая полынь, кружащие рядом, коснуться не посмеют. Зов неожиданно толкнул меня во тьму. И вновь лечу вперед, клыки оскалив, метя в горло. Едва задела — он исчез, слился с туманом, ночью, темнотой... Подлая тварь! Неожиданно он очутился сзади, схватил за шкурку, швырнул о стену дома. Как больно!.. Я скатилась безвольной куклой в круг тусклого света. Не было сил даже шелохнуться. Вставай, борись, волчица!

Он приближается неторопливо, осторожно... Серебро веревки змейкой вьется между рук, тьма дивным шлейфом тянется за ним. Я напряглась пружиной сжатой, отвоевав все силы, что остались.

Вдруг... бесшумно, быстро с крыши скользнул объятый искрами комок. И вот уж двое в яростном объятии сплелись. Звучали странные слова. Шум, гром! Сверкали тусклые белесые огни. Что в городе моем творится? Горячий синий фейерверк рассыпан в небе... Прячась во тьме, двое двигались быстро — не уследишь. В свете огней блеснуло серебро кинжала. Знакомая форма...

Бежать, бежать, пока они заняты друг другом! Сила вошла в тело острым, до этого недоступным счастьем. Оставив позади скрестивших оружие, я растворилась в тенях знакомых подворотен. Исчезла, ускользнула. Но гадкий пронзительный скрежет сияющих лезвий несся мне вслед.

Домой, домой, домой...

Сидя на корточках за запертой дверью, я судорожно вслушивалась в окружающую тишину. Неприятно осознавать, что тонкая фанера и хлипкий замок *этих* не остановят. Едва не подвывая от охватившего чувства безнадежности, я попыталась вспомнить, каким образом попала в квартиру. Искренне надеюсь, что не навела особой паники и никто не получил сердечный приступ при виде меня.

Ничего не понимаю-у! И не у кого спросить, что хотят

от меня эти типы. Можно предположить, что им нужна моя жизнь, а точнее, смерть. Кто они такие? Не знаю, но явно не из Охотящихся. Мною овладел азарт исследователя. Надо только все как следует припомнить. Я закрыла глаза, опершись спиной о дверь, и позволила мыслям коснуться волчицы. Зверь заворочался, не желая вспоминать ощущение некоей неестественности и чуждости происходящего. Затем все вспомнилось. Полынь, качающаяся на ветру, горечь на губах, в воздухе, везде. Тьма — суть и смысл, основа силы.

Не понимаю... Двое темных, которые не могут поделить одну маленькую меня, — это чересчур. «Именно темных», — пришло подтверждение-вспоминание из самого дальнего уголка разума. Не люди — другие существа, странные, опасные, полные незнакомой силы. От одного из них отчетливо доносился запах гнили и падали. Надо отсюда уходить, но куда?

Раздался звонок.

Я подскочила и нервно отлетела от двери. Если не в ужасе, то в весьма близком к нему состоянии, наткнулась на противоположную стену и сшибла вешалку. Зашипев от боли, мгновенно меня отрезвившей, я истерично хихикнула. Кто бы это ни был, но явно не темные — они и церемониться бы не стали, да и дверь их не остановит. Вдох, выдох... Натянув на лицо доброжелательную улыбку, больше похожую на оскал, я открыла дверь.

Точно, соседка. Не та, с которой мы знатно поскандалили недавно, а другая. Ее навязчивая доброжелательность всегда вызывала у меня недоумение вперемешку с тошнотой. И сейчас эта особа объявилась более чем некстати.

— Здравствуй, Леночка. Ты ничего странного не слышала? — Соседка, подтянутая дама лет пятидесяти, строго глянула на меня через стеклышки старомодных очков, по-совиному моргая.

Ага, и слышала, и видела, и даже участие принимала.

— Не считая грохота от упавшей вешалки — ничего, — не покривив душой, заявила я, опуская взгляд и мимоходом оглядывая себя. К счастью, одета, а то был бы номер.

— Ну-ну... А вот Верочка из второго подъезда совсем

недавно видела огромную серую собаку у дома, и та ее чуть не покусала.

— Кто кого чуть не покусал? — вежливо осведомилась я.

— Собака — Верочку.

— Скорее это была не собака, а белая горячка... И нет, ничего похожего не видела, — продемонстрировав зубы в вымученной улыбке, сказала я.

Соседке мой ответ не понравился, тем не менее она не стала продолжать расспросы, а отправилась к себе, заметив напоследок:

— Будь осторожнее, милочка.

— Учту ваши пожелания, Катерина Сергеевна, — буркнула я, закрывая дверь, и чихнула, пытаясь отогнать навязчивый фиалковый аромат, витающий на площадке.

Вот люди — собаку от волка отличить не могут. А Верку действительно стоило покусать. Идиотка.

Меня здорово штормило, а чувства скакали от страха и паники к азарту — и обратно. Так недолго и с ума сойти. Достаточно на минутку потерять контроль, и все.

Я вошла в комнату и едва не выскочила оттуда в глубоком шоке. Что я там подумала совсем недавно? Что церемониться не будут? Вот-вот. Он сидел в моем любимом единственном кресле, спокойно, по-хозяйски закинув ногу на ногу, и наблюдал за мной с отстраненной полуулыбкой. Вокруг него витали тени, делая фигуру немного расплывчатой. Подавив паническое желание завопить и броситься на улицу, я замерла, пытаюсь проанализировать ощущения. Бежать некуда, да и поздно. Вздохнув, я вгляделась в темноту, которая не была для меня преградой. Он казался очень обыкновенным, этот высокий и бледный почти человек. И пространство вокруг него было наполнено запахом горькой полыни, ароматом ночи и силы.

Где-то с минуту мы молча рассматривали друг друга. Я нервно сглотнула. Ой-ой-ой, что будет?

— Хорошо бегаешь, волчица, — спокойно заметил незванный гость. — Но понимаешь ли ты, насколько тебе не повезло?

Да уж догадываюсь. Какой-то у него безликий голос, словно серое, затянутое сплошной осенней пеленой небо.

Я успела заметить смазанное стремительное движение, и вот он совсем близко от меня, придерживает прохладной рукой мой подбородок, не давая отвести взгляд, и смотрит. Черные глаза, в темных колодцах которых я беспомощно барахталась, затягивали и лишали воли. С трудом ворочая одеревеневшим языком, я просипела:

— Скорее повезло не встретить никого из вас раньше.

— Возможно, — безэмоционально заметил темный. —

Но ты — единственная Охотящаяся в этом городе.

К чему все это? Непонятно. Но робкой гостьей в сознание толкнулась настороженная волчица, опознавшая чужака как Пьющего кровь. Вывернуться из цепких пальцев не получилось, отвести взгляд — тоже, а покориться не желала бунтующая за гранью сознания хищница. Черное на черном — невозможно ничего различить, но я увидела, как его зрачки резко расширились. Окотивший с ног до головы холод вынес из моей головы последние мысли, а в висках заломило.

— А соседка у тебя непростая, — вдруг прошептал мне на ухо Пьющий кровь, почему-то кивнув на стену, и приказал: — Собирайся.

— Но...

— Живо!

Я злобно зашипела. Слов не было.

И мы пошли. Сквозь город. Незнакомец, шагнув из квартиры прямо на улицу, быстро тащил меня, крепко держа за запястье, сливаясь с ночью, шагая из одного осколка тьмы в другой. В искаженном мире мелькали отражения домов и дорог, тени которых служили моему проводнику тропой и сокращали путь до логова.

У каждого уважающего себя хищника должно быть логово. Для Пьющего кровь таковым оказался — ха! — номер «люкс» нашей единственной приличной гостиницы, облезлый фасад которой давно не соответствовал названию «Лазурная». Гостиница располагалась в самом центре города, рядом с мэрией, главным управлением внутренних дел и кладбищем. Когда-то она называлась «Советской», но в разгар перестройки была переименована.

Волчица бурно протестовала против нахождения в по-

лутемном помещении, пропахшем странными, забивающими обоняние благовониями. Но выбора не было. Да и кто у нас тут хозяин?.. До сего момента противный тип весьма сурово обрывал мои попытки что-либо сказать или спросить. Он упорно тащил меня вперед, едва не выдерживая при этом руку. К концу недолгого пути я пребывала в состоянии, близком к взрыву, и не преминула бы попытаться выбить из незнакомца ответы, несмотря на очевидную опасность.

— Ну а теперь... — начала я, потирая руку, но, мельком оглядевшись, умерила воинственный настрой и хихикнула: — А где же гроб?

Напряжение, клубами витавшее в воздухе, начало рассеиваться, и я поняла, что Пьющий кровь расслабился и откровенно забавляется ситуацией. И что тут смешного?

— Много ты об этом знаешь, — фыркнул он. — Садись.

Я присела на стоящий посреди комнаты стул, а наглый тип расположился напротив... в мягком удобном кресле. И где справедливость? Я гордо выпрямила спину, заложила ногу за ногу и сцепила руки на колене.

— Не могли бы вы объяснить, что все это значит? — Под конец фразы в моем голосе появились необычные гулкие тона.

Будто не слыша меня, незнакомец сказал:

— Впервые сталкиваюсь с такой ситуацией. — И задумчиво продолжил свою мысль, обратив невыразительное лицо к занавешенному окну: — Единственный на весь город охотник — полукровка, да еще необученная.

— Да, мы такие, — приосанилась я.

— И что с тобой делать? — неодобрительно глядя на меня, задал риторический вопрос мужчина.

Судя по всему, он-то знал, что собирается со мной делать. А вот понравится ли данный вариант мне?.. Сомневаюсь.

— Будем работать с тем, что есть. — Он встал и глянул в мою сторону. — Расслабься, позволь своему разуму отвлекаться, мыслям — течь вольно... Я, Павел, из рода Пьющих кровь, одинокий охотник, взываю к тебе, Тьма...

Его голос убаюкивал, обволакивая сознание и погру-

жая в плену, кружащуюся перед глазами призрачным водоворотом.

Мы падаем, падаем вниз вместе с волчицей...

«И что с тобой делать, необученная ты наша?» — Павел, расчетливо прищурившись, смотрел на обмякшую в трансе девушку. Неопытная, сырая, давно пребывающая на грани между просто безумием и безумием окончательным.

Из нее только крючок и получится. Разделение, что ли, провести? Неграмотность в простейших вопросах может такую шутку сыграть, что небо заплачет. Павел коснулся кончиками пальцев висков охотницы, немного удивляясь ее мечтательной улыбке, и поставил на девушке личную метку, не заметную ни для кого, кроме членов семьи, которой, впрочем, давно нет... Привычно отбросив ненужные мысли, он сосредоточился, формируя пакет необходимой информации, и проникнул в раздвоенное сознание. Удивительно: одна половинка, неистребимо человеческая, осторожно отпрянула в глубину, уворачиваясь от мысленного посыла, а волчица, торжествующе взыв и злобно скалясь, кинулась на щиты.

Чокнутая. Теперь понятно, почему полукровки долго не живут.

Родовая память охотницы содержала множество знаний, но для второй ипостаси они оказались почти недоступны — разве что на уровне инстинктов и догадок. К тому же данные были закодированы ключом высших. Странно. Но все же, ловко схватив ускользящий фантомный силуэт серой, Павел втиснул в ее сознание заготовленную информацию. Вот только не зря ли он это сделал? Ладно, время покажет.

— Проснись. — Из марева кошмара меня вырвало мягкое прикосновение к щеке.

— Что?! — Резко вскочив, я тряхнула головой, пытаюсь изгнать чужое присутствие. — У-у-у... мать... Зачем?

А он стоял рядом, такой высокий, спокойный, доволь-

ный. Ненавижу. Чужое присутствие в голове — это противно... Брр!

— Сядь и сосредоточься, — потребовал Павел. — Я кое-что вложил в твой... хм... разум, просмотри. Нет времени на объяснения. Чуть позже я скажу, что потребуется лично от тебя.

Я обескураженно рухнула обратно на стул, а темный куда-то вышел. Внезапно поняв, что откуда-то из глубин разума в ответ на мои сумбурные размышления начали всплывать чужие мысли, я погрузилась в вихрь новой информации. Это было захватывающе.

Но лучше бы мне остаться в счастливом неведении относительно происходящего и прожить спокойно хотя бы последние отпущенные мне дни. И не сидела бы я сейчас в мрачных раздумьях, а, обуреваемая охотничьим инстинктом, недоуменно носилась бы по городу, высунув язык. Н-да... непонятно, что хуже. Как, однако, несправедлив этот лучший из миров. Тем не менее вампир загрузил меня далеко не обнадеживающими сведениями по самую макушку, заодно изрядно пополнив мой словарный запас старомодными ругательствами.

Итак...

Кроме людей, раздражающих своим невероятным количеством, в этом мире живут и другие виды разумных существ. Немногочисленные, но могущественные популяции, условно делящиеся на светлые и темные, по любимому времени суток и предпочтениям в силе. Вот ведь удивили!

Я — темная полукровка из рода Охотящихся в ночи, ходячая шизофрения, в качестве папочки фигурирует неизвестный высший... Это как, интересно? Есть еще Пьющие кровь, Танцующие в лунном свете, Знающие, Слушающие мир, Одержимые истиной и прочие. Много их, короче говоря.

Роды делятся на кланы, кланы — на семьи, главы которых поддерживают внутри своих образований диктаторские порядки. Семьи между собой не дружат, но и открытой вражды не проявляют, предпочитая сражаться за сферы влияния исподтишка. А вот роды порой воюют между собой, почти не скрываясь. Светлые с темными, Поющие с

Пьющими кровь, Танцующие с Одержимыми. Громы и молнии, потопаы и засухи, катастрофы и убийства — вот инструмент их борьбы.

А еще есть династии — старинные человеческие семьи, члены которых обладают необычными способностями, магией и силой. Они легко подчиняют себе пронизывающую мир энергию и считают себя хозяевами всех измерений.

Притом и те и другие стараются не попадать в сферу активного интереса обычных людей. Как они вообще умудряются не нарушать первое правило маскарада — не привлекать к себе внимание? «Про инквизицию забыли, — мелькнула чужая ироничная мысль. — Напомнить, что ли?» При такой жизни неудивительно, что появляются нарушители правил маскарада, и их деяния становятся источниками кровавых легенд прошлого и загадочных оперативных сводок настоящего. И тогда зовут одиноких охотников. Особенно если семья или клан не могут справиться своими силами.

Конкретный пример? Да пожалуйста. Наисвежайший.

Светлар из семьи Ордони клана Сватараф из рода Пьющих кровь почувствовал приближение времени своего ухода. Никто не вечен в этом мире, даже высший вампир. Он не захотел уходить. Его можно понять — кто же хочет? Светлар скрылся, затаился и в старинных манускриптах нашел действенный, но запретный способ обмануть судьбу.

Ритуал Поворота, сутью которого является насильственная коррекция реальности до такой степени, когда совершающий его сможет продлить свое существование на неопределенный срок. Высшему оставалось преодолеть последний рубеж, но он загнал себя в ловушку, выбрав этот город. Для свершения требуется, помимо всякой специфической мути, шесть жертв, с которыми надо разделаться в период от новолуния до полнолуния. Человек, Танцующий, Одержимый, Слушающий, Знающий, Охотящийся. Именно в таком порядке, и прерывать ритуал нельзя, ибо последствия могут быть непредсказуемыми.

Наудачу в городе оказалась только одна Охотящаяся — я. И ни у кого нет выбора, ни у меня, ни у Павла, ни у Светлара — магический треугольник, только не любовный, а

смертельный. Я — последняя жертва, подсадная утка, наживка на крючке, главное — суметь вовремя подсесть. Именно в момент завершения ритуала, но до того, как произойдет изменение реальности.

— Вижу, объяснять ничего не надо? — тихо подошел ко мне Павел.

— Надо, надо. — Встав, я потянулась до хруста в костях. — Неужели нельзя поймать его просто так? Прочесать город, найти и уничтожить?

— Он хорошо прячется, — покачал головой охотник. — А с началом совершения ритуала становится практически неуязвим. Да и прерывать его нельзя. Слишком рискованно. Относительно безопасный способ — взять его над пентаграммой, когда он будет поглощать чужую силу и снимать щиты.

— Меня что, будут резать?! — возмущенно завопила я, приблизившись почти вплотную к Павлу.

— Потерпишь, если не хочешь умереть здесь и сейчас.

— Это как?

— Второй способ прервать ритуал в данном случае — уничтожить намеченную жертву. Разрушения будут большие, но мир уцелеет, — холодно отчеканил вампир, отодвигая меня в сторону.

Что-то не хочется ни того ни другого... А не дать ли деру? От пронзительного взгляда Павла мой настрой не укрылся.

— Даже не пытайся, — холодно предупредил он. — На тебе метка.

Почему-то мне совсем не хотелось узнавать, какую власть она надо мной имеет. Отступив, я согласилась поработать наживкой. Вот что значит — не везет!

Инструкции были краткими:

— Эту ночь проведешь здесь, день — тоже. Вечером выйдешь на охоту, как обычно, позволишь себя поймать и сделать с собой все, что должно. Остальное — моя забота.

Я только кивала, разглядывая своего нового хозяина. Высокий, худощавый и не слишком красивый, но до дрожи опасный. Глаза черные, лицо с резкими чертами, узкое, какое-то ястребиное, кожа бледная, и поэтому короткие

каштановые волосы кажутся очень темными. Голос невыразительный.

— Ты неплохо себя контролируешь, так что проследи, чтобы волчица не атаковала, а убежала. И если выживешь, то с ума не сойдешь, как иные полукровки. Может быть, — рассеянно закончил разговор Павел, крутя пальцами тонкую ножку бокала с непонятным содержимым. Я втянула носом воздух. Нет, не кровь. Томатный сок.

Это заявление должно меня взбодрить? Особенно не очень добродушное «может быть». Передать не могу, как я рада!

— Так, вроде все, — задумчиво поднялся с кресла вампир, душераздирающе зевнув.

Хм, клыки не хуже волчьих, одна пара. Но мои — лучше. Мне явно есть чем гордиться.

Пока я предавалась гордыне, Павел запер входную дверь, повесил на ручку табличку «Не беспокоить!», добавил какое-то заклинание и, приказав его не тревожить, скрылся в спальне.

— Эй, а поесть?!

— В холодильнике, — донеслось из-за двери.

— Та-ак, ну и где же здесь находится этот агрегат? — пробормотала я, начав обследование своего последнего пристанища.

Двухкомнатный «люкс», да. Большое окно, занавешенное плотными цветастыми шторами. Напротив него входная дверь, справа спальня, слева ванная. Диван в синий цветочек, кресло, шкаф, стул, тумбочка, часы...

Пять утра, однако, ночь-то кончилась! Быстро все, однако, произошло.

Я откинула потертый ковер и увидела в углу начерченную углем пентаграмму. Во всяком случае, это была пятиугольная фигура, в каждой из вершин которой стояли оплывшие темно-красные свечи. В центре — странные узоры и куча благовонных палочек, медленно тлеющих в полутьме. Я чихнула. Вонь, а не благовония!

Вверху люстра, в одном из углов — ночник. Где же холодильник? Живот забурчал, выражая недовольство. Дога-

дались, где спрятался холодильник? В шкафу! Который оказался буфетом с встроенной холодильной камерой.

Павел был доволен и разочарован одновременно. Найдена последняя жертва, и даже метка на нее поставлена на редкость удачно. Незаметная, еле различимая, но крепкая. Зато изгой в курсе, что по его душу прибыл одинокий охотник, собравший в себе огромную силу и далеко не безопасный даже со снятыми щитами.

Если эта полукровка выживет, придется взять ее с собой. Личные метки находятся очень глубоко, чтобы оставаться незаметными до самого последнего момента, и не снимаются. Эту связь уже не порвешь.

Но все эти вопросы можно решить потом. Первым делом — работа.

Чем бы таким заняться? Целый день взаперти! Кошмар! А вот о следующей ночи лучше не думать...

За окном определенно рассвело. Осторожно отодвинув занавеску, я убедилась, что наступает новый день, который обещает быть ничуть не лучше вчерашнего. Мерзкая погода, мелкий морозящий дождик, духота и низкие серые тучи. Последний день моей жизни — а я так и не увижу солнышко. Жаль! Тщательно задернув занавеску, — кто знает, какие у моего соседа отношения с дневным светом, — я прокралась к входной двери и взялась за ручку. Ой! Острые холодные иглы — заклинания? — предупреждающе кольнули в ладонь. Отодвинув занавеску, я с сожалением убедилась, что и на окне стоит незримая преграда. Ненавижу клетки! В результате я разлеглась на диване, обложившись всем съестным, что только нашла в холодильнике, и стала размышлять.

А этот Пьющий кровь очень даже ничего. Мощная аура силы позволит не потерять его даже в многолюдной толпе. Он не в моем вкусе. Кажется, я повторяюсь? Хм, подозрительный симптом.

Почему в голову лезут такие высокопарные мысли? Подумаешь, Пьющий кровь. Вампир — он вампир и есть. Или оборотень, что одно и то же. Все эти романтические

названия придуманы, чтобы облагородить наши темные инстинкты, придать им флер таинственности, приукрасить бытие кровожадных, злобных тварей, которыми мы, в сущности, и являемся. А если на моем счету нет ни одной жизни, то это лишь потому, что я еще очень молодая Охотящаяся. Все у меня впереди... было.

Да, грустно. И прямо-таки мучительно больно за бесцельно потраченное время. И ведь ни единого достойного случая не подворачивалось! В этом городе я и так была хозяйкой. Все местные шавки знали свое место, а у людей просто рука не поднималась причинить мне вред. От страха, наверное. Только я, будучи девушкой здравомыслящей, не злоупотребляла своей способностью наводить ужас. Потому что у людей помимо прочего есть характерная черта, в ряде случаев позволяющая пересилить страх и ненависть: страсть к исследованию и познанию нового. Обязательно бы ведь нашелся вивисектор со связями, который не пожалел бы ни времени, ни денег, чтобы попытаться заполучить редкий экземпляр животного мира. И пропали бы мы с волчицей в недрах какой-нибудь лаборатории. Мне всегда было жалко собаку Павлова.

Когда же все это закончится? И, главное, чем? И что я могу предпринять? Разве только помолиться, да не положено.

Интересно, как этот темный меня сюда затащил? Мы двигались быстро в темном густом тумане, будто размазываясь по реальности, и преодолели расстояние от моего дома до логова за пару минут. Скользили из тени в тень, и силуэты домов, деревьев и фонарей казались призрачными и чужими. И горький запах полыни... Ну да все равно я это не выясню.

Кстати, а что именно не так с моей соседкой по площадке, дамой, приятно пахнущей фиалками? Тоже занятный вопрос.

Вот так лежала я на диване, ела конфеты и вспоминала свою недолгую двадцатилетнюю жизнь, загубленную, можно сказать, на корню. Печально, что она не была насыщенной. Единственное выдающееся событие — всплывшая неизвестно откуда квартирка, где я проживала, да и ту

пришлось бросить! Старый божж, напуганный мною до сердечного приступа совершенно ненамеренно, не в счет. Как-то раз зимой мне пришлось обернуться на улице, и, спрятавшись за помойными баками, я невольно устроила ему бесплатный стриптиз и продемонстрировала леденящий душу триллер. Пришлось вызвать старику «скорую». Между прочим, он выжил, завязал с выпивкой и устроился на работу ночным сторожем. Шоковая терапия удалась.

И кого, скажите, волнует мое пустопорожнее нытье?..

Незаметно я провалилась в дрему и увидела сон, по содержанию еще более мерзостный, чем те, что снились обычно.

Проснулась, не поверите, от пинка, мощного такого, увесистого. Гад! Подскочив спросонок, я рыкнула, кинувшись на этого футболиста. Вампир проворно отскочил, а я, не удержавшись, упала с дивана. Встав, огляделась по сторонам. О, какая куча фантиков! Кто все это съел?

Павел осторожно отодвинул занавеску, выглянул в окно и удовлетворенно кивнул. Небо очистилось, и заходящее солнце вызолотило сумрак комнаты. Луч упал прямо на лицо моего нового знакомого. Тот недовольно поморщился, но не отошел, продолжая всматриваться во что-то, видимое только ему.

Э, света не боится? Обидно! «Да, не бояться и кровь не пьют — высшие, по крайней мере, — выскочила новая мысль. — Особенно если сытые. Вот низшие...» Я мотнула головой — потом.

— Самое время! Чего стоишь? — обратился ко мне подозрительно довольный охотник. — Оборачивайся!

— Ага, щаз, — угрюмо буркнула я и побрела в ванную. Вампир последовал за мной.

Что-то меня мутит, да и умирать неохота.

Павел поморщился. А я расслабилась, глядя в зеркало. Закрыв глаза, обреченно ткнула лбом в холодное стекло. Вчера ночью это произошло легко и быстро под воздействием спонтанного выброса адреналина, а сейчас... Выпустить волчицу добровольно, ослабив тиски разума, оказалось непривычно сложно.

А-ах-х!

Желтоглазая волчица исподлобья глядит на Пьющего кровь. Изменение — сугубо интимное действие, и всякие там вампиры не имеют права подглядывать. Зло рыкнув, я проскользнула в комнату и беспокойно закружила вокруг гексаграммы. Внутри уже горели свечи и мерцал столб густой непроницаемой тьмы, упирающийся в потолок. Из этого сгустка тянуло сыростью. Охотник бесцеремонно схватил меня за шкуру, шагнул внутрь, и его сильная рука отправила нас обоих в полет.

Снова запах полыни, чтоб ее!

«Временный портал Пьющих кровь», — некстати всплыло в памяти, пока мимо стремительно проносились искаженные силуэты домов. Резко вынырнув посреди города, я едва успела затормозить,

«Иди, волчица, охотся!» — раздалось вдруг в мозгу. Хищница ошалело тряхнула головой.

«Дай себя поймать!» — Холодное прикосновение испугало, и желание куда-то идти резко пропало.

«Ну же!»

Скользя вдоль забора, я скрылась в кустах и принялась. Никого нет. Солнце зашло, но город еще не спит, и множество чужих глаз следят за происходящим. Хватило бы и пары.

Скольжу, лечу, стелюсь над землей серой тенью, ищу. Чего? Не знает никто. Нет, не верю, что это мой последний день и последняя охота. Тьма, что ты хочешь от меня? В груди сидит холодный ком — противное ощущение. Ну что же, по обычному маршруту? Последний раз обойду уголья, кружа от края к центру.

Старый забытый сад, церковь, в глубине серебряных окон которой мерцают огни. От истинно святой земли поднимается волна столь сладкой и чистой силы, что хочется здесь остаться. Однако сумерки и тьма не вольны подружиться со светом истинной веры. Но аромат лилий, нежный и невинный, я запомню. Свет вдруг мигнул, затрепетал, погас... И вновь засиял, словно благословляя. Хороший знак.

Тень скользит дальше.

В небе — полная луна, моя подруга и спутница, обещающая покой, но ее обещания лживы. Между домами клубится тьма, перекрывая путь. Волчица отпрянула назад. «Вперед», — сказала я. «Вперед!» — подхлестывает яростный шепот изнутри. Я пячусь, это выше моих сил — нырнуть туда, во тьму и смерть. Но все решилось без нас.

Тот, за стеной, звал и манил. Как осьминог, выпускал жадные щупальца за спину волчице. Она медленно, шаг за шагом, против воли приближалась к зовущей смерти. Я оглянулась. Волчица взвыла и рванулась назад, в закрывающуюся брешь.

«Не сметь!» — прозвучало откровенно злое приказание, секундным параличом сбившее с ног. Пропустив рывок тьмы, я забилась в ее тенетах, когда удушающее кольцо сомкнулось на шее.

Боль в висках была неожиданно резкой и оглушающей.

Оборот. Мягкое и беспомощное человеческое существо затрепыхалось, когда крючья тьмы впились в кожу. Медленно, с садистским наслаждением нечто поглощало мой разум, внимательно наблюдая за каждой судорогой постепенно перестающего подчиняться мне тела. В саване тлена было невозможно дышать. Сначала онемели кончики пальцев, затем тонкие иглы боли расплзлись по рукам. Липкие щупальца проникали под кожу, в горло, глаза...

«Расслабься...» — почувствовала я только мне слышимый шепот.

Как?!

Сознание покидать меня не спешило. Добавилось ощущение ползающих под кожей жучков-короедов, время от времени откусывающих по кусочку от моих внутренностей. Боль исчезла, оцепенение полностью овладело мною. А вокруг тьма — живая. Сколько это длилось? Минуту, час, день? Не знаю. Некто, изучив каждый сантиметр моего тела изнутри и снаружи, удовлетворенно отпрянул, как хищник, напившийся крови.

Темнота...

Слабость, кружится голова, и черное, усыпанное звездами небо качается, словно качели... Небо?!

Я лежу на земле, и голые лопатки холодит исходящий откуда-то снизу промозглый туман. Не могу пошевелиться, потому что распластана и намертво зафиксирована в колдовской звезде — той самой. Скопив глаза, замечаю колыхающиеся красно-оранжевые огоньки, быстро наливающиеся синим сиянием. В голове отвратительно пусто.

Мерцание огней высвечивало стоящего надо мною: узкое изможденное лицо с темными провалами на месте глаз, кривящийся в клыкастом подобии улыбки рот, скрюченные артритом руки, зажавшие короткий кинжал... Вот он, нарушитель! Паника все усиливалась... Где же Павел?

От холода и страха я постепенно покрывалась мурашками. Где же охотник?!

Изгой наклонился, аккуратно надрезал мои запястья и начал гортанный речитатив. Боли не было, только ледяной холод начал растекаться по неподвижному телу от кончиков пальцев внутрь, концентрируясь в районе солнечного сплетения.

Охотник...

Мысли затухали и гасли одна за другой. С отстраненным любопытством я наблюдала, как беснуется в глубине сознания волчица. Как покидает меня животворящая жидкость, медленно впитываясь в землю.

Порезы на запястьях начали светиться, и маленькие синие огоньки торопливо побежали по рукам вверх, скапливаясь на груди. А изгой все говорил и говорил непонятные слова, полные зловещих интонаций, постепенно повышая голос до крика.

Не хочу!!! Как холодно...

Звезды погасли, а луна налилась темно-багровым сиянием. Небо заволакивало полупрозрачной мерцающей дымкой, медленно образующей гигантскую воронку. Нож, прекрасный в своем мрачном совершенстве, плавно взмыл вверх, блеснул отточенной алой кромкой и начал опускаться... Медленно, очень медленно.

Время замерло. Но волчица очнулась, вздрогнула и заставила меня рвануться вперед и попытаться освободить руки. Не ощутив сопротивления оков разума, она взвыла и напряглась, подчиняя себе тело, изменяя его неимовер-

ным напряжением сил. Но не успела. Нож вошел в солнечное сплетение мягко, почти нежно...

Всепоглощающая темнота.

Вот он, единственно подходящий момент. Изгой резко выдернул нож из приманки и раскинул руки, готовясь к завершающей стадии ритуала. Багровая воронка на месте луны вращается по часовой стрелке, выбрасывая вниз голодные щупальца.

Выскользнув из укрывавшей его до сей поры тени, охотник сразу же понял, что изгой невероятно силен, но уязвим, как и всякий младенец. Накинув щиты, Павел активировал «молнию» и рванулся вперед, входя в клинч. Удар, еще удар. Чистая сырая сила, которой наполнен изгой, продавливает защиту, но это неважно, потому что в ход пошло грубое физическое воздействие. Вывернуть руку противника и начать неторопливо, но неуклонно приближать острие ножа к телу, не давая шевельнуться.

Мир сузился до маленького пятячка земли, до глаз, пылающих яростью и отраженным в них безумием. Бушующий в оковах водоворот начал раскручиваться в другую сторону. Под ударами чужого разума сознание поплыло, но это не имело значения. Ведомый инстинктами, он делал необходимое, ни на что не обращая внимания.

Держать щиты! Рывок! Нож по рукоять вошел в живот своего хозяина. Огни, нетерпеливо танцующие на теле волчицы, на миг ослепительно вспыхнули и погасли.

В небе гулко громынуло. Поднялся ветер.

Охотник выпустил изгой и торопливо отскочил подальше от пентаграммы. Из горла нарушителя вырвался хриплый отчаянный крик, переходящий в утробный вой. Раскинув руки и задрав голову к воронке, он еще пытался что-то сделать, но безжалостные щупальца стремительно рванулись ему навстречу, обвили посмевшегося нарушить их покой и безжалостно выпили из него все соки, взимая зловещую дань за неудачную попытку изменить мир.

Тело изгой превратилось в обтянутую пергаментом мушкетерскую шляпу, которая несколько секунд спустя стремительно осыпалась тысячелетним прахом. С довольным чавканьем щу-

пальца тьмы втянулись в сворачивающуюся воронку. Последнее из них мимоходом задело распятую в пентаграмме фигуру. Она выгнулась и захрипела, а огоньки, мечущиеся над нею, позеленели и быстро впитались в тело.

Что бы это значило? Тишина.

Рассвет нового дня был прекрасен. Мир устоял, и город, полный надежды, вздохнул облегченно и радостно. Тучи разошлись, открывая бесконечное лазурное пространство, подсвеченное лучами восходящего солнца.

Интерлюдия первая *ИСТОРИЯ ВАСИЛИСЫ*

Вы хотите знать, как я стала вампиром? Вы совершенно точно хотите это знать? Но зачем вам это? Ах, для книги... Ну что ж, я расскажу. Только давайте условимся о нескольких вещах. Мы — не вампиры, а Пьющие кровь. И уберите, наконец, чеснок. Меня это раздражает. Могу сообщить, кстати, что даже на нас, низших, чеснок не действует так, как это описывается в некоторых трактатах... И не пугайтесь, я не голодна.

Звали меня Василисой, да и сейчас так зовут, имя это мне нравится. А вот фамилией я была недовольна. Тяжело жить, имея в паспорте запись — Прекрасная, к тому же вполне ей соответствуя. Сейчас, к счастью, это уже не так. И внешность у меня не столь вызывающе яркая, и фамилия другая. Теперь я принадлежу роду Пьющих кровь, как низшая и обращенная.

Мне было двадцать пять лет, когда я познакомилась с Шейлом, урожденным низшим из семьи Веран, принадлежащей к роду Пьющих кровь. Была зима, теплая и слякотная. Поздним вечером я возвращалась домой с дня рождения подруги. Иду, значит, никого не трогаю, вдоль улицы, прекрасно освещенной фонарями и рекламным огнями, не обращая внимания на тех, кто обращает внимание на меня. Уже почти дошла, свернула в переулок, чтобы сократить путь, и тут дорогу мне заступили три амбала в экзотичных одеяниях.

— Красавица... — расплылись они в щербатых улыбках.

— Что вам надо? — Я даже не испугалась, скорее рассердилась.

— Не «что», а «кто»! Ты, красавица!

Яркая внешность всегда доставляла мне неприятности. В школе не давали прохода сопливые поклонники, в академии — преподаватели, а на работе — работодатели и клиенты. Завидовали черной завистью подруги и сотрудницы, быстро переходящие в категорию врагинь. Высокой стройной натуральной блондинке с голубыми глазами и нежной персиковой кожей тяжело жить на свете, особенно если она не собирается становиться моделью или любовницей какого-нибудь олигарха.

И вот опять!

Резко развернувшись на каблуках, я бросилась было назад, но эти типы в один прыжок догнали меня и повалили на грязный снег. Вот тут я по-настоящему испугалась и заорала, но осеклась, захлебнувшись холодным воздухом, когда один из них зажал мне рот.

Укусила за ладонь — ноль реакции. Только деловито потрошивший сумку гад обернулся и сказал:

— Смелая... хм... Верд, ты первый.

Представьте, каково было мое удивление, когда вместо того, чтобы заняться со мной тем, чем трое предпочитают заниматься с симпатичной девушкой в темной подворотне, этот тип оскалил клыки, при виде которых мне конкретно поплохело... Когда шея заныла, перед глазами все поплыло, а в ушах многообещающе зашумело, где-то почти в небесах раздался насмешливый голос. Божественный глас спасения:

— Та-ак, пижоны, а ну-ка, отошли от девушки.

Мазохист во мне восхитился точности этого определения, ведь все трое были одеты в черные кожаные плащи и белые ботинки, в чем я успела убедиться, получив тем самым белым ботинком по ребрам.

В следующую секунду прижимавший меня к земле тип стремительно вознеся вверх, врезался в стену, да так и остался на ней висеть. За ним же отправились и остальные. Покосившись на неожиданного спасителя, я обнаружила, что внешне он мало соответствует своим недавним дейст-

виям. Мужчина среднего роста, худощавый, в легкой куртке и с длинными темными волосами. Мне вдруг стало очевидно. «Отличная прическа, явно из дорогого салона». — И с этой странной, совершенно неуместной мыслью я начала медленно уплывать в синие дали. Голоса звучали глухо, будто через толстый слой ваты.

— Вы в курсе, господа, что это охотничьи уголья семьи Веран? — сурово спросил спаситель.

— Га-ад, — простонал один.

— Низший! — презрительно бросил второй.

Третий промолчал.

— Ай-ай-ай, придется принять меры...

— Что ты нам можешь сделать? — насмешливо поинтересовался один из «пижонов».

— Много чего, — нехорошим ласковым тоном сказал темноволосый.

А пару мгновений спустя все трое нападавших, распластанные по стене подобно мухам, бессильными кулями осели на снег.

Надо мной склонилось озабоченное клыкастое лицо со светящимися зелеными глазами:

— Мы же никому ничего не расскажем?

«Угу, точно не расскажем, потому что сейчас по-рем», — подумала я и провалилась в темноту.

Очнулась я в вампирском логове. Это оказалась обычная квартира в типовой высотке, правда, довольно просторная. Мебели немного, но вся явно дорогая. Я лежала на диване, и мысли мои крутились вокруг количества выпитого, глюков и белой горячки. О чем еще можно было думать?

Между тем чувствовала я себя весьма неплохо, ничего не болело, одежда была в полном порядке. Потому я встала, огляделась, убедилась в том, что место абсолютно незнакомое, и отправилась на кухню, где обнаружила хозяйна апартаментов, распивающего некую красную жидкость. Искренне надеюсь, что это не кровь. Он предложил присесть, выпить вина и просветил насчет сложившихся обстоятельств. Ничего страшного, как оказалось. Меня всего-навсего покусал обнаглевший высший из рода Пьющих

кровь, все трое зачинщиков покушения будут наказаны. Каким способом — не моего ума дело. Последствий укуса, о которых так красочно пишут в книгах, не ожидается. Даже странно. Но я не расстроилась. И жизни моей тоже ничто не угрожает при условии соблюдения тайны. Разумеется, я заверила клыкастого в своей полнейшей лояльности. А вы бы на моем месте что сказали? Мамой бы клялись, наверное.

Мне разрешили привести себя в порядок в ванной с джакузи (мечта нового русского сибарита: серебристый кафель, сияющий фарфор и полотенца из бамбуковых нитей), а затем пригласили, причем весьма настойчиво, на ужин через пару дней. Я довольно надолго впала в ступор, пытаясь решить, будут ли меня кормить или я стану пищей, но в итоге согласилась. И не пожалела! Ведь этот клыкастый был очень симпатичный, как раз в моем вкусе.

Вот так я познакомилась с миром маскарада. Хотя утром, проснувшись в собственной квартире, куда меня в целостности и сохранности доставил новый знакомый, я поверила в реальность произошедшего, только увидев крохотный шрамик на шее.

Шейл возил меня в рестораны, соблазнял по полной программе, и я никак не могла понять, чего же он хочет. Помимо сами знаете чего. Театры и концертные залы были обязательными пунктами ежевечерних свиданий. Мы посещали первоклассные ночные клубы, а порой устраивали романтические прогулки при луне. Не так уж сильно вампиры отличаются от людей в выборе средств достижения желанной цели. Или этот успешно притворялся? До сих пор гадаю. И я сдалась месяца через два, движимая скорее любопытством, чем острой необходимостью в подобном любовнике.

В споре «упорство и опыт против красоты и самоуверенности» победили первые два. К тому же от моего поклонника исходил такой манящий флер опасности, что я не устояла. Только вот наши биоритмы не совпадали. Представьте, подъезжает вечером к банку, где я работаю,

Шейл на шикарном «додже», а мне, кроме полноценного сна, больше ничего и не нужно в этой жизни.

Тем не менее он самоотверженно привозил меня домой и укладывал в постельку. Мучимая угрызениями совести, я на следующий день, как правило, собиралась с силами и ехала развлекаться по злачным местам вместе со своим возлюбленным. Я не особенно любила клубную жизнь, а потому тихо и скромно сидела в уголке, наблюдая за происходящим и пытаюсь вычленив нелюдей, пока Шейл решал свои дела. Справлялся он быстро и остаток ночи посвящал мне. В основном я требовала что-нибудь рассказать. Иногда приходилось изображать поздний ужин перед его знакомыми нелюдями. То бишь притворяться идиоткой, которая не в курсе, куда ее привели и зачем.

Между прочим, в местах скопления народа довольно легко вычислить подобных нам. По внешности, либо особенно неприметной, либо вызывающе яркой и необычной. Шейл постоянно носит иллюзию, и потому чаще всего имеет вид самый обыкновенный. Только на охоту ходит в истинном обличье. Тогда я его и встретила.

Он имеет достаточно высокий статус среди своих соплеменников. Хотя и относится к низшим Пьющим кровь. Парадокс: семья Веран — единственная в столице, глава которой — не высший. Я спрашивала Шейла, по какой причине он со мной общается. Ведь, кроме эстетического отдохновения и секса, он ничего от меня не имеет. Кровь, например, он у меня не брал. Шейл отвечал, ему нужно нормальное общение, прикрытие от охотниц до состоятельного и влиятельного вампира и, самое главное, мое добровольное предложение испить крови. Нужда в живительной жидкости связана с потребностью в определенной энергии, которую можно получить только через кровь. До сих пор весьма смутно представляю себе механику процесса усвоения организмом этой силы. Знаю только, что от добровольной жертвы можно получить куда больше энергии, чем при насильственном изъятии.

Идиллия наша длилась недолго: в один прекрасный летний день банк, где я работала, взорвали конкуренты. Не

стали ждать окончательного решения суда по попытке рейдерского захвата здания, сволочи.

У меня было отличное настроение в связи с непредвиденным оплачиваемым отпуском. В шесть часов вечера я, как обычно, вышла из широких дверей, створки за спиной глухо чпокнули. К высокому крыльцу подкатил на пижонском «додже» Шейл. Операторша из соседнего отдела восхищенно округлила глаза. Да, согласна, красивая машина. И поклонник очень даже ничего. Жизнь прекрасна, что и говорить.

Вдруг сзади раздался грохот, треск, звон... и меня накрыла горячая волна. Я успела только заметить, как вампир резко выскочил из машины и рванулся ко мне... А потом все поглотили темнота и боль...

Я очнулась в белой комнате, лежа на кровати. Во рту пересохло. А двигаться не получалось и, что самое ужасное, не хотелось. Память послушно восстановила последние мгновения перед взрывом. Вяло удивившись тому, что еще жива, я принялась изучать доступное пространство. Стены белые, простыни белые... капельница... какие-то агрегаты — пищат, заразы. Провода тянутся к онемелому беспомощному телу, скрываясь под простынями.

Шейл сидит рядом на стуле. Осунувшийся, мрачный и наверняка голодный. Спит. Солнце он не любит, кстати, но вполне успешно переносит световой день. Мне захотелось кашлянуть. Я попыталась сделать это еле слышно, но Шейл все равно проснулся. Вскочив со стула, он обеспокоенно заглянул мне в глаза и стремительно исчез. Через пару минут вернулся с новыми действующими лицами. Мужчина и женщина — неприметной внешности, но излучающие внутреннюю силу. Не люди, совершенно понятно. Они замерли у двери, а Шейл подошел ближе. И выглядел он подозрительно виноватым. Та-ак... Раз уж мой возлюбленный потрудился продемонстрировать свои эмоции, значит, дело весьма серьезное.

С ужасом осознав, что практически не ощущаю тело, я обратилась в слух.

— Василиса, то, что я хочу сказать, — начал Шейл, —

очень важно. Я хотел обратить тебя, но так, чтобы у тебя был выбор, чтобы ты сделала этот шаг добровольно. Скорее добровольно-принудительно, конечно, но заставлять бы не стал. И не торопился, зная, что сейчас ты мне откажешь. И за твой счет намеревался подняться на следующую ступень, к высшим. Есть один ритуал. Если бы ты предложила мне своей крови трижды и испила потом моей, то... — Он замялся.

Все понятно. Я постаралась глазами выразить всю глубину своего негодования. Так я и знала. Точнее, предполагала, что не все так просто в мотивах Шейла.

— Но судьба постаралась за меня. В данную минуту жизнь в тебе поддерживает магия Танцующих и человеческая наука. Однако выбор есть и сейчас. Только стоит острее. Выбор между *другой* жизнью и смертью. Что ты выберешь?

— Другой жизнью? — прохрипела я.

— Среди нас.

Дилемма. Жить хотелось, но страшила неизвестность. Какая это будет жизнь? А решать надо, и побыстрее, судя по встревоженному лицу вампира.

— Сволочь ты, — буркнула я.

— Извини, я бы и сам не хотел, чтобы твой выбор проходил в таких жестких условиях.

— Больно будет?

— Скорее всего, да.

Мог бы и соврать для моего успокоения. Но он никогда мне не врал. Разве что немного недоговаривал.

— Я согласна.

Шейл расслабился и обратился к подпирающим стену гостям:

— Она согласна.

А то они не догадались! Незнакомый мужчина выступил вперед:

— Хорошо, начнем. Кто выступит поручителем?

— Я, Шейл из семьи Веран, выступаю поручителем Василисы при обращении ее из человека в Пьющую кровь.

— Я, Павел, одинокий охотник, согласен инициировать обращение Василисы из человека в Пьющую кровь.